

DOI 10.15393/j10.art.2019.3786
УДК 821.161.1; 930.253

Валентина Васильевна Борисова

*доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой русской литературы,
Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы
(Уфа, Российская Федерация)*
borisova@ufacom.ru

Нравственные и юридические аспекты «куманинского дела»*

Аннотация. В данной статье, являющейся продолжением предыдущей публикации «Дело о куманинском наследстве в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского» («Неизвестный Достоевский». 2018. № 1. С. 32–43), рассматриваются нравственные и юридические аспекты биографии писателя, связанные с «делом о куманинском наследстве». Имеются в виду его напряженные отношения с сонаследниками (прежде всего, с братьями, сестрами и единокровными родственниками со стороны матери), а также с адвокатами и душеприказчиками А. Ф. Куманиной. Споры и конфликты с ними были обусловлены как особенностями наследственного права того времени, вызвавшими пересмотр завещания, так и этическими факторами. В этом плане по документальным и архивным источникам детально анализируется позиция, занятая Достоевским в затянувшейся наследственной тяжбе. Приняв участие в ней, он, тем не менее, исходил из принципа нравственности, а не «пользы» или «права».

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, А. Ф. Куманина, А. А. Куманин, завещание, судебная тяжба, «роковое наследство», этика, юриспруденция, приходо-расходные книги

Изначально «куманинское наследство» не предвещало стать «несчастливым» в жизни Ф. М. Достоевского. Роковой печати на нем не было. Всех Куманиных, знаменитых и богатых московских купцов, отличала щедрость на благотворительные дела. Так, отец Александра Алексеевича Куманина, мужа тетки писателя Александры Федоровны, Алексей Алексеевич Куманин (1751–1818), будучи городским головой в Москве в один из наиболее драматичных периодов истории России (с августа 1811 по март 1813 г.), в 1812 г. внес 50 тысяч рублей на ополчение и на постройку храма Христа Спасителя со словами: «Мне дал их Бог, а я отдаю отечеству» (см.: [Сукина: 189]).

Среди многочисленных благотворительных дел Куманиных — открытие в Москве двух больших богаделен, строительство Спасо-Преображенской церкви на Большой Ордынке и Никольской церкви в Переславле-Залесском, откуда купцы вели свой род. В 1830-е гг. на средства братьев Куманиных (сыновей Алексея Алексеевича Константина, Валентина и Александра) и московских купцов Шестовых был возведен Троицкий собор в Свято-Даниловом монастыре.

Репутацию филантропа, «известного по своему человеколюбию и благотворительности», имел и Александр Алексеевич Куманин [Нечаева: 189], получивший от генерал-губернатора Москвы князя Дмитрия Голицына ряд наград за свою благородную деятельность. В 1834 г. — орден св. Анны 3-й степени за усердие «на пользу нуждающихся московских жителей», которым в течение шести месяцев выдавались мука и хлеб. Много пожертвований А. А. Куманин сделал Московскому коммерческому училищу, за что в 1839 г. ему был вручен орден св. Станислава 4-й степени. Как богатого, но скромного благотворителя характеризовал А. А. Куманина в своих воспоминаниях А. М. Достоевский. Не менее важны заслуги Александры Федоровны Куманиной, сыгравшей «наиболее значительную роль в жизни всей семьи Достоевских и самого писателя» [Нечаева: 20].

Репродукции портретов Александра Алексеевича и Александры Федоровны Куманиных (см. *Илл. 1 и 2*) заслуженно висят в московском музее Достоевского. Это дар потомков Достоевских А. М. Лениной и М. В. Савостьяновой, сделанный в 1957 г.

Илл. 1 и 2. Портреты А. А. Куманина и А. Ф. Куманиной.
Художник К. Н. Воронов. Акварель. 1842

Без этих людей он не стал бы великим романистом. С детства и до зрелых лет Федор Михайлович получал от богатых родственников необходимую помощь.

Куманины помогали всем своим семерым крестникам Достоевским: из чувства христианского долга перед ними, сострадательной памяти о Марии Федоровне, их рано умершей матери, и благодарности к их отцу, Михаилу Андреевичу, который когда-то излечил от серьезной болезни Александра Алексеевича.

К сожалению, наследники не смогли принять эстафету примирения, на которое оказались способны Александр Алексеевич Куманин и Михаил Андреевич Достоевский. По семейному преданию, после затянувшейся ссоры они в январе 1832 г., исполняя желание умирающего тестя Федора Тимофеевича Нечаева, дали у его одра обещание позабыть взаимные обиды и сохранять родственные отношения:

«Зятя <...> пожали друг другу руку и поцеловались, тогда дядушка плюнул, вельшь одной из дочерей растереть ногою этот плевок сказавъ: Пусть также разотрется и уничтожится ваша ничтожная вражда, — какъ растерть и уничтоженъ этотъ плевокъ Вашего умирающаго отца! При чемъ обѣ жены примирившихся плакали навзрыдъ»¹.

А. М. Достоевский отмечал: «...дядя Александръ Алексѣевичъ сдѣлалъ очень много добра нашему семейству, а по смерти папеньки, онъ пріютилъ насъ пятерыхъ сиротъ (два старшихъ брата были уже въ П<етер>бургѣ) и сдѣлался истиннымъ нашимъ благодѣтелемъ, въ особенности трехъ сестеръ, которымъ при замужествѣ ихъ далъ большія приданья...»². Они получили от А. А. Куманина по 25 тысяч серебром. Варвара Михайловна купила на эти деньги два дома в Москве, Александра Михайловна приобрела дом в Петербурге, Вера Михайловна выкупила у сонаследников имение в Даровом [Хроника...: 178], которое осталось после отца.

В своих воспоминаниях Андрей Михайлович подробно излагает историю раздела первого наследственного имени между тремя братьями и тремя сестрами, получившими деньгами свои доли от его продажи в 1852 г. Федор Михайлович в этом деле не мог участвовать, поскольку еще в 1844 г. отказался от своей части наследства, получив 1000 руб. серебром³. По словам М. М. Достоевского, который поручился за брата перед опекуном П. А. Карепиным, Федор уступил свою часть «за бесценок. Даже совестно покупать у него за эту цену» (ДЗ0; 28₁, 420). Получив «500 руб. <...> разом» (остальная сумма выплачивалась по 10 рублей серебром в месяц), Достоевский писал Михаилу Михайловичу: «Теперь я отделен от вас от всех со стороны всего общаго <наследства>; остались те пути, которые покрепче всего, что ни есть на свете, и движимого и недвижимого» (ДЗ0; 28₁, 104).

История получения Достоевским денег в счет будущей части его наследства (что влекло за собой ее уменьшение) повторилась в жизни писателя во второй раз через 20 лет и была связана уже с «куманинским делом», причем надежды Достоевского на крепость родственных уз не оправдались ни в первом, ни во втором случаях.

По добросовестному и подробнейшему свидетельству Андрея Михайловича, «братъ Мих<аиль> Мих<айловичъ> получилъ во все время со смерти отца 2745 руб. серебр.; я получилъ 1475 руб. и братъ Николай Мих<айловичъ> 871 рубль, т. е. всего получено нами капиталу 5091 руб. серебромъ или

*17818 рубл. ассигнац.»*⁴ (во времена Достоевского один рубль серебром был равен 3,5 руб. ассигнациями). После продажи имения в 1852 г. «чистый капитал» составил 25 450 руб. ассигнациями, из них братьям причиталось: Михаилу — 1 725 руб., Андрею — 6 170 руб. и Николаю — 8 284 руб., сестрам по закону — $\frac{3}{14}$ части наследства — 9 270 руб.⁵ В конечном счете после того, как Ивановы выкупили имение за 50 000 руб. ассигнациями, Андрей Михайлович, например, получил деньги за свою часть *«въ нѣсколько большемъ количествѣ а именно 2000 рублей серебромъ»*⁶.

Таким образом, доля младшего брата Достоевского от общего наследства составила 3 475 рублей серебром. На этом фоне тысяча рублей, выданная Федору Михайловичу в 1845 г. в счет родительского наследства, выглядела, как выразился П. А. Карепин, достаточно «мизерной» в сравнении с остальными наследниками, которые, за исключением Михаила Михайловича, никак не поддерживали брата-каторжника материально.

Тем не менее до тяжбы по второму, куманинскому, наследству, отношения между братьями и сестрами Достоевскими оставались еще по-родственному теплыми, что подтверждается многочисленными примерами материальной поддержки больного брата Николая, которому все родственники понемногу помогали практически на протяжении всей его жизни. Не оставался без помощи братьев и сестер Федор Михайлович, хотя до 1858 г. деньги в ссылку ему отправлял один Михаил Михайлович. Только позже старшая сестра В. М. Карепина прислала в Семипалатинск 200 рублей на свадьбу с М. Д. Исаевой (ДЗ0; 28₁, 260), а младшая сестра А. М. Голеновская выслала Федору Михайловичу в Тверь 100 рублей на покупку шубы (ДЗ0; 28₁, 335, 501), также сестры вместе с друзьями писателя обустроили ему квартиру по возвращении в Петербург [ЛН: Т. 86, 377].

До поры до времени хорошие отношения между сестрами и братьями Достоевскими сохранялись. Как вспоминает Андрей Михайлович, он часто навещал Михаила Михайловича в Петербурге в 1856 г., обедал у него, вместе с ним проводил вечера у Голеновских:

*«Всѣ это время, я успокоенный окончаніемъ своего Петербургскаго дѣла, проводилъ очень пріятно въ кругу многочисленныхъ родныхъ, но преимущественно конечно бывалъ у сестеръ и у Дяди»*⁷.

Узнав о производстве Федора Михайловича в чин прапорщика, *«всѣ были очень обрадованы этимъ, а дядя за обѣдомъ велѣлъ матушкѣ Тесть (такъ звалъ онъ бабушку Ольгу Яковлевну<)> распорядиться на счетъ Шампанскаго и мы всѣ выпили здоровье вновь произведеннаго Прапорщика»*⁸.

Примечателен, например, следующий факт взаимоотношений Андрея Михайловича с младшей сестрой в это время:

«Въ послѣдніе же дни, я съ помощію сестры Александры Михайловны купилъ для Домники въ лучшемъ магазинѣ, бархатный бурнусъ, на что и употре- билъ деньги подаренные мнѣ¹⁾ дядею»⁹.

В разгар же «куманинского процесса» отношения между братьями и сестрой Александрой разладились совершенно, в 1874 г. Федор Михайлович с горечью сказал о ней: «А уж какая родственница — и говорить нечего» (ДЗ0; 29₁, 313).

Со временем охлаждение в отношениях братьев с сестрами, которых уже заботило завещание тетюшки, впадавшей в слабоумие, становилось все заметнее. После ее смерти, когда куманинское наследство было разделено не по завещанию, а по суду, сестры посчитали себя обделенными, поскольку согласно статье 1130 Свода законов Российской империи 1835 г., сохранявшего свое действие до 1917 г., они могли получить из всего наследственного имения только четырнадцатую часть, а из движимого — восьмую часть, которые должны были выплатить им братья. Конечно, это обстоятельство не способствовало укреплению родственных уз, что отмечает в своих «Воспоминаниях» и Андрей Михайлович:

«Быль у Сестры Варвары Михайловны, за тѣмъ у Сестры Вѣры Михайловны, а за тѣмъ у Тетушкѣ Александры Федоровны. Сестеръ засталъ здоровыми и живущихъ по прежнему. Тетушку же нашель, въ очень плачевномъ состояніи. — Она уже почти потеряла всю память и быстро впадала въ сумасшествіе. — Впрочемъ меня она узнала, долго цѣловала, и все повторяла ключики, ключики, ключики..... <....>. Обѣ сестры приняли мою жену довольно пріятливо, — но мнѣ казалось что пріёмъ былъ не особенно родственнѣй»¹⁰.

Спустя годы Андрей Михайлович, по сути, констатирует полный разрыв отношений со всеми сестрами:

«Наконецъ, третій и послѣдній тысячный²⁾ билетъ, былъ размѣнянъ мною уже въ 1886 году, на уплату сестрамъ Варварѣ Михайловнѣ (289 р.) и Вѣрѣ Михайловнѣ (578 руб.) присужденныхъ имъ къ уплатѣ съ насъ наследниковъ съ имѣнія оставшагося³⁾ отъ Тетки А. Ф. Куманиной, за каковое имѣніе, я за свою часть не получилъ еще ни копѣйки, а долженъ былъ уплатить до 900 рублей (Сестрѣ Александрѣ Михайловнѣ я уплатилъ еще прежде (тоже 578 руб.), по энергическому срочному требованію Сестеръ. — И не имѣй я тогда этихъ денегъ для срочной уплаты, то дѣло для меня кончилось бы

¹⁾ В рукописи ошибочно: мною

²⁾ тысячный вписано.

³⁾ В рукописи ошибочно: оставшемся

скандаломъ. Было бы приступлено къ продажѣ съ молотка моего движимаго Имущества⁴⁾ то есть носильнаго платья и прочей квартирной обстановки»¹¹.

Здесь речь идет о трех государственных пятипроцентных билетах по одной тысяче рублей серебром, полученных Андреем Михайловичем незадолго до кончины Михаила Михайловича по завещанию А. А. Куманина¹². Такую же сумму получили Федор Михайлович и Михаил Михайлович, что заставило их воскликнуть: «Дай Бог небесного царствия дяде...» (ДЗ0; 28, 45). Эти деньги были потрачены на издание журнала «Эпоха», но их не хватило, и братья обратились за помощью к А. Ф. Куманиной. По этому поводу Федор Михайлович писал Андрею Михайловичу:

«...я в 1864 году получил от тетки (по смерти брата Миши) всё, что мне следовало получить по завещанию, то есть 10 000, — и даже, по совести моей, сознаюсь, что должен ей за эти 10 000 проценты, о которых она просила меня в случае успеха журнала. (Я брал на журнал покойного брата — “Эпоху”» (ДЗ0; 29, 96).

Действительно, куманинские деньги целиком ушли на уплату долгов М. М. Достоевского и поддержку его семейства:

«...10 000, взятые мною от тетки в 1864 году, *сейчас* по смерти брата, были мною тотчас же употреблены *все* до копейки для уплаты самых беспокоящих долгов брата и на поддержку братниного журнала, которого я сам собственником *не был* ни с какой стороны. Деньги же отдал безо всяких документов. А между тем эти деньги — были вся надежда моя в жизни. <...> Отдав эти 10 000 в пользу семейства брата, я отдал им и мое здоровье: я целый год работал как редактор день и ночь. <...> Итак, я решился убить тогда эти 10 000 на чужое дело, не взяв никакой расписки или документов. Но журнал лопнул (хотя и оказалось 2000 подписчиков, но деньги подписки ушли на уплату долгов, а мне не у кого уже было достать денег) — и я продолжал платить за долги и брата и журнала, принадлежавшего не мне, а семейству. Я выплатил наличными (кроме 10 000 тетких) еще до одиннадцати тысяч из *своих* денег. Тогда я “Преступление и наказание”, мой роман, продал вторым изданием за 7000 р., да 2000 р. из полученных за Полное собрание сочинений моих пошли в уплату же по журналу и братниных долгов, да с Каткова получил тогда 6000 р. за первое издание (в его журнале) “Преступления и наказания”. Кончилось тем, что я и теперь еще 4000 должен по вексяям за журнал и за долги брата (и рискую сидеть в тюрьме, если не исправятся мои обстоятельства). Мог бы я сказать и еще, куда я истратил много денег, безо всякой для себя пользы, а единственно на пользу других, тоже через смерть брата — но умолчу; всё, что я говорил сейчас, и без того похоже

⁴⁾ Было: !

на похвальбу. Но не осуждай и размысли — я не хвалюсь, а оправдываюсь. Ну какой я стяжатель и можно ли меня-то уж назвать стяжателем! Всё же, что я рассказывал о том, как я истощил себя и здоровье мое, платя чужие долги, есть истина, ибо всему этому *сто свидетелей*» (ДЗ0; 29₁, 97–98).

Так писатель объяснялся перед родными сестрами и братьями, полагавшими, что свою часть он получил сполна и на большее не имеет права претендовать. При этом фактически своей долей куманинского наследства он не воспользовался. Нравственную сторону этого дела отметил Н. М. Достоевский в письме к Андрею Михайловичу:

«Братъ Федоръ принялъ на себя всѣ долги покойнаго брата <Михаила>, да кромѣ того почти одинъ содержитъ семейство покойнаго» (выделено мною. — В. Б.)¹³.

По заключению И. Л. Волгина, Федор Михайлович «работал “как вол”, дабы вытащить из нужды жену и детей покойного брата Михаила, чьи долги по журналу “Эпоха” взял на себя. Хотя, заметим, мог бы и не приносить эту братскую жертву» [Волгин: 1038].

Но Достоевский, полагая, что деньги можно будет получить именно от занятий журналистикой, рискнул продолжить издание «Эпохи» [Захаров: 801]. Об этом свидетельствует черновик «Объяснительной записки о причинах, вызвавших прекращение журнала “Эпоха”»:

«...я, Федоръ Достоевскій, не былъ ни наслѣдникомъ, ни даже⁵⁾ участникомъ въ правѣ изданія⁶⁾ журнала; но какъ братъ покойнаго, видя что семейство его осталось послѣ его смерти въ нищету и въ долгахъ и расчитывая, что поднятімъ журнала, въ случаѣ успѣха⁷⁾, можно не только уплатить долги, но даже придать изданію, освобожденному отъ долговъ, даже нѣкоторую цѣнность — я,⁸⁾ побудивъ вдову покойнаго, Эмилию Достоевскую, къ продолженію изданія журнала, естественно долженъ былъ взять на себя и весь рискъ неудачи. А потому изтративъ 10,000 своихъ собственныхъ денегъ, т. е. все что имѣлъ я, на журналъ, я при⁹⁾ ежегодно усиливающейся падучей болѣзни моей, остаюсь при приближеніи преклонныхъ лѣтъ, безо всякихъ средствъ къ существованію, кромѣ тяжелой литературной работы моей»¹⁴.

Признание Федора Михайловича в том, на что ушли деньги, полученные от богатой тетушки, подтверждается также многочисленными записями

⁵⁾ Вместо: *участникомъ* — было: *собственникомъ*

⁶⁾ *въ правѣ изданія* — было: *въ изданіи*

⁷⁾ *въ случаѣ успѣха*, вписано.

⁸⁾ Вместо: — я, — было: *въ пользу семейства покойнаго брата,*

⁹⁾ Вместо: *на журналъ, я при* — было: а) и даже *продавъ за безцѣнокъ право б) состоянія*

прихода и расхода, денежными подсчетами, сделанными в записной книжке за 1863–1864 гг. в период издания журнала «Эпоха»¹⁵. Постоянный лейтмотив этого времени: «надо денег»¹⁶. Показательна, например, следующая запись:

*«Получено — съ размѣннаго билета въ 5000
по 96.[∞] 25^{к.} со %
съ тетки 962[∞], 50^{к.}*

5
4810
2,50
4812,50

Изъ нихъ: 3480[∞] отдалъ Эмилии Федоровнѣ

300[∞] въ редакцію

200 — Нейшеллеру

50 — Филипову

20 — Александрову

35 переводчику

500 процентовъ теткѣ.

4,812

4,585

+ 227

Слѣдст. я оставилъ у себя 227[∞]»¹⁷.

Здесь за сухими цифрами кроется драматический подтекст: имея на руках почти 5 000 рублей из наследственных денег, Достоевский оставил себе только 227.

В целом, к моменту краха «Эпохи», как видно по записям Федора Михайловича, «собственно журнального долга» было 35 000 рублей¹⁸. В процессе «агонии журнала» эта сумма только нарастала, так, в одной из записей фиксируется: «Всего долгу оставалось 45000»¹⁹. Несмотря на отчаянные усилия возместить долги подписчикам номерами журнала (в марте 1865 г. удалось выпустить последние два номера, но уже по убыточной цене), Достоевский, судя по сделанным им расчетам, остался с окончательным долгом до 25 562 рублей. Часть этой суммы в размере 13 698 рублей перешла к издателям «Библиотеки для чтения», которым «Эпоха» уступила всех своих подписчиков:

«вычтя такимъ образомъ эти 13,698^{оо} изъ 25 562 <...>

¹⁰⁾ собственн<о> долг<а> 11,864»²⁰.

Кроме того, Федор Михайлович переписал на себя, «чтобы не повредить ходу журнала и для успокоенія кредиторовъ» покойного брата по векселям «до 2870^{оо}»²¹.

«Такимъ образомъ весь долгъ, образовавш<ийся> собственно на насъ состоитъ¹¹⁾ изъ 11,864

и 2,870

Итого до — 14,734

Долгъ же по векселямъ состоитъ изъ 12,234^{оо} <...>

Все это мы я Θ <едоръ>¹²⁾ взяли на себя и удовлетворил<и> собственн<ыми> послѣдн<и> средства<ми>»²².

До конца 1865 г. писатель в отчаянии продолжал подсчитывать долги, которые ему пришлось выплачивать всю оставшуюся жизнь:

«1) Определить количество долга, оставшагося по векселямъ послѣ смерти брата и по другимъ обязательствамъ.

2) Какое послѣ брата осталось имущество?

3) Какое количество книгъ должно было добавить до 65^{зоддд}?

4) Сколько доплучили за эти книги въ 64 году

5) Сколько получили съ подписки за 65^{зо<дъ>}?

6) Во что обоилась среднимъ числомъ каждая книга?

7) Количество въ настоящее время моего долга?

8) Количество подписчиков<ъ> въ 64 и 65^{м<ъ>} году?»²³.

По воспоминаниям А. Г. Достоевской, в основном «долги были вексельные, и кредиторы страшно беспокоили Федора Михайловича, грозя описать его имущество, а самого посадить в Долговое отделение. <...> Федор Михайлович всюду искал денег, но без благоприятного результата» [Достоевская А. Г.: 53]. Только «к началу 1881 года со всеми долгами, так долго нас мучившими, было покончено» [Достоевская А. Г.: 64].

Помня, как по-христиански Куманины помогали бедным родственникам, Федор Михайлович, по сути, принял от них эстафету бескорыстного добра, спасая от нужды семейство брата. Не случайно своим детям писатель завещал: «...любить бедных и помогать им» [Маркевич: 4].

Приоритет нравственного долга у автора великого «пятикнижия» перед принципом «пользы» или «права», из которого исходили другие наследники Куманиных, со всей очевидностью проявляется в ходе следующего сравнения.

¹⁰⁾ Было: мы получи<мъ>

¹¹⁾ неоплачен. долгу покой<наго> Дост. вписано и зачеркнуто.

¹²⁾ я Θ <едоръ> вписано.

Зная, что младший брат тоже получил свою долю от А. А. Куманина, Федор Михайлович обратился к нему за помощью. В письме от 29 июля 1864 г. он, рассказав о смерти Михаила Михайловича, сообщал:

«Все дела семейства брата в большом расстройстве. <...> Долгов много. У семейства — ни гроша <...>. Разумеется, я теперь им слуга. Для такого брата, каким он был, я и голову и здоровье отдам» (Д30; 28₂, 96).

Посвящая Андрея Михайловича в обстоятельства журнального дела, Федор Михайлович отметил, что «этот год для брата был трудный. Но он в начале года занял в Москве 9 000 у тетки (на два года сроком) и 6 000 руб. у Александра Павловича (акциями, которые и заложил здесь за 5 000) <...>. Здешних долгов, кроме того, до 8 000 <...> всего-навсе в наличности у нас 5 000 руб., которые следует получить за заложенные акции, тысяч до 3 000, которые еще придется получить в этом году, да типография, только отчасти оплаченная. Затруднение в деньгах есть, но с Божиею помощью мы дойдем благополучно» (Д30; 28₂, 96–97).

Изложив свой план спасения журнала, Федор Михайлович в отчаянии просил младшего брата:

«Но если б ты мог дать займы хоть 3 000 руб. (те, которые достались тебе после дяди и которые ты, верно, не затратил) семейству на журнал до 1-го марта и за 10 процентов, то ты бы сделал доброе и благородное дело и помог бы и утешил бедную Эмилию Федоровну чрезвычайно. Отдача к 1-му марту — вернейшая. Я готов тоже за нее поручиться, теперь как хочешь. Рассуди сам. Нам очень трудно будет, хоть я твердо уверен, что выдержу издание до января. Лишних 3 000 нас бы совершенно обеспечили. Но как хочешь. Александр Павлович не побоялся дать брату весной. Пишу это от себя. <...> Дело будет доброе и благородное и в высшей степени верное» (Д30; 28₂, 97).

Но, в отличие от Федора Михайловича, который все свои деньги, в том числе полученные за счет куманинского наследства, бросил на спасение журнала, Андрей Михайлович братскую самоотверженность не проявил:

«Получивъ письмо это, мы перечитывали его не одинъ разъ и готовы были уже исполнить просьбу брата и дать семейству покойнаго брата Мих<аила> Мих<айловича> на поддержку журнала просимые братомъ Федоромъ Михайловичемъ три тысячи рублей; но къ счастію для насъ, мы не могли этого исполнить. — Дяло въ томъ, что три¹³⁾ тысячные билеты были имянные, (на мое имя) и по полученіи ихъ въ Апрельъ мѣсяць были отданы мною¹⁴⁾ Торговому Дому Ульманъ и К^о для ихъ торговыхъ оборотовъ (безъ права

¹³⁾ Вместо: три — было: были

¹⁴⁾ мною вписано.

размѣнивать ихъ, какъ именныхъ) на цѣлый годъ изъ 5^{ми} годовыхъ процентовъ. <...> я и отписалъ объ этомъ¹⁵⁾ брату Ѳ<едору> М<ихайловичу> что и при всемъ желаніе не могу исполнить его просьбу по выше изложеннымъ обстоятельствамъ. — Я упомянулъ, что къ счастью для насъ, мы не могли этого исполнить, потому что, при всѣхъ радужныхъ надеждахъ брата Ѳ<едора> М<ихайловича> Журнальное дѣло, ведомое имъ, рухнуло съ Марта мѣсяца слѣдующаго¹⁶⁾ 1865 года, какъ рухнулись бы и мои денежки, не принося никакой пол<ь>зы дѣлу! — <...>

Мнѣ же этотъ капиталъ былъ единственнымъ обезпеченіемъ въ будущемъ, и сослужилъ мнѣ хорошу<ю> службу...»²⁴⁾.

Таков исход первой стадии раздела куманинского наследства, в результате которого Федор Михайлович получил 3 000 рублей от «дяди», а затем 10 000 рублей от «тетушки» в счет завещания. При жизни А. Ф. Куманиной оно составлялось дважды — в 1864 и 1865 гг.

Пока тянулось «дело о куманинском наследстве», менялись и душеприказчики. Первым был Александр Тимофеевич Неофитов (сын статской советницы Елизаветы Егоровны Куманиной, двоюродной племянницы А. А. Куманина), оказавшийся аферистом. В конце 1865 г. в Москве распространилась вестъ о его аресте *«по случаю поддѣлки имъ Свидѣтельство на 5% билеты, и вслѣдствіе того, что онъ обманулъ и Тетушку на 15 т<ысячъ> рублей»²⁵⁾*. После этого было составлено новое духовное завещание, по которому Неофитова исключили из числа наследников, а следующим душеприказчиком назначили А. П. Иванова [Летопись...: Т. 2, 41]. Но из-за неопытности и доверчивости последнего, как отмечает Андрей Михайлович, *«тетушка осталась и безъ капиталовъ и безъ процентовъ на которые можно было бы жить»²⁶⁾*. Поддавшись на уговоры бабушки Ольги Яковлевны, А. П. Иванов отдал частным лицам под залог имений почти все капиталы тетушки под 10%, но ни один из кредиторов *«не только не уплатилъ къ сроку капитала, но даже не уплатилъ и процентовъ; что наличныхъ денегъ очень мало. Что съ кредиторами нужно судиться»²⁷⁾*.

После неожиданной смерти А. П. Иванова в январе 1868 г. обманутая московская родня упростила стать опекунами *«надъ личностію и имуществомъ Тетушки Александры Ѳедоровны»²⁸⁾* А. М. Достоевского вместе с В. И. Веселовским. К этому времени *«отъ 170^{ми} тысячнаго капитала оставленнаго Тетушкѣ дядею: до 107 тысячь долговыхъ свидѣтельствъ, и 6000 билетами, что составляетъ меньше 5 т<ысячъ> руб. наличными!»²⁹⁾*

Первыми забили тревогу сестры. Андрей Михайлович сообщает, что *«сестра Варвара Михайловна жалуется на бабушку Ольгу Яковлевну, говоря что она въ одинъ годъ прожила больше 15 тысячь рублей...»³⁰⁾*. Аналогично

¹⁵⁾ *объ этомъ* вписано.

¹⁶⁾ *слѣдующаго* вписано.

и Веселовский отмечает «слишкомъ большія траты бабушки Ольги Яковлевны»³¹. Андрей Михайлович, вспоминая о своем визите «на Маросейку въ домъ Тетушки»³², также с недовольной иронией пишет:

«Тутъ совершенно неожиданно узналъ, что Тетушки и бабушки нѣтъ въ Москвѣ; онѣ уѣхали въ Кіевъ на богомолье. Бабулечкѣ таки захотѣлось пожуировать; большую совершенно потерявшію память женщину потащила за нѣсколько сотъ верстъ на богомолье въ Кіевъ...»³³.

Как добросовестный душеприказчик Андрей Михайлович стал действовать жестко:

«Утромъ 4го <марта 1869 г.> я отправился опять въ квартиру Тетушки, гдѣ былъ встрѣченъ бабушкою Ольгою Яковлевною съ претензіей на то, что я совершенно забылъ ихъ и свою обязанность по опеку, но получивъ отъ меня приличный и должный отпоръ — притихла и сдѣлалась шелковою!»³⁴.

Сестры же строили свои планы: Варвара Михайловна предлагала «устранить бабуку отъ завѣдыванія дѣлами тетки съ пенсією въ 500 рублей <...> и Тетушку помѣстить у сестры Вѣрочки», полагая, по словам Андрея Михайловича, «что на содержаніе тетки, по прежнему можно будетъ тратить по 7–8 тысячъ въ годъ!»³⁵, но таких денег в семействе уже не было:

«И такъ по завѣщанію составленному 20го Сентября 1865 года имѣлось денегъ 5% билетами 131050 руб. (вѣроятно нѣсколько больше, что оставлялось на прожитіе); — а въ Юнѣ мѣсяцѣ 1868 года осталось только 6000 руб. и мыльные пузыри въ долгахъ, жалко, очень жалко!!!»³⁶.

Отвечая на запрос Федора Михайловича из Дрездена, Андрей Михайлович писал: «Имѣніе Госпожи Куманиной (какъ значитъся въ описи) при поступленіи въ опеку заключалось» в нескольких закладных... и «въ 5% банковыхъ билетахъ перваго выпуска на сумму по номинальной цѣнѣ — 6.000 р. <...>. Счастливы будутъ наслѣдники ежели за продажену закладовъ и взысканія долговъ получатъ $\frac{1}{4}$ часть т. е. съ небольшимъ 24 т<ысячи>; тогда на 131050 руб. завѣщаннаго капитала прійдется каждому по 18 коп. на рубль, т. е. вмѣсто каждыя 10 т<ысячъ> рублей наслѣдники получатъ 1800 рублей!!!...»³⁷. С учетом всех доходов и расходов «къ 1^{му} Январю 1869 г. въ остаткѣ имѣется семь тысячъ девятсотъ руб. двадцать четыре съ половиною коп. (7900 р. 24 $\frac{1}{2}$ к.)»³⁸.

Истинное положение дела с куманинским наследством Андрей Михайлович раскрыл всем наследникам, в том числе и Федору Михайловичу. Последний, пребывая в неведении и ориентируясь на слухи, оказавшиеся ложными, выразил надежду в письме к В. И. Веселовскому (от 14.08 / 26.08 1869 г.) на опровержение духовного завещания (ДЗ0; 29, 46–47). По свидетельству Андрея Михайловича, это письмо «надѣлало большой переполохъ

между сестрами и другими наследниками. Дяло въ томъ, что братъ не ограничился письмомъ къ Веселовскому, а написалъ объ этомъ же, съ тѣми же подробностями Соничкѣ Ивановой, съ которой иногда переписывался. — Соничка конечно показала это письмо матери,... и вотъ по Москвѣ разразился слухъ, что хорошѣ долженъ быть опекунъ Веселовскій, когда предлагаетъ лицу¹⁷⁾ хотя и постороннему¹⁸⁾ въ этомъ дяль, но всё таки заинтересованному, свое содѣйствіе въ опроверженіи Духовнаго завѣщанія!!!»³⁹⁾.

Сестры выражали недовольство и недоверие не только по отношению къ Федору Михайловичу, но и къ Андрею Михайловичу. Начались, по его мнѣнію, «незаслуженные упреки» и претензии, что подтверждается письмомъ Варвары Михайловны къ брату в концѣ 1869 г. На него Андрей Михайлович не ответил, не желая «ссориться съ старшею сестрою, которую уважалъ сердечно, не смотря на ея многія недостатки»⁴⁰⁾, но на письмо Александры Михайловны Голеновской от 19 октября 1870 г. аналогичного содержания ответил очень резко:

«...оно было писано видимо подѣ диктовку какого либо юриста Адвоката, и было очень ѣдкое, а потому я съ таковою же ѣдкостію и отвѣчалъ на это письмо. <...> Въ этомъ письмѣ всего было по немножку и колкости и язвительности и незаслуженныхъ упрековъ, и изобиловало оно во 1^{хъ}¹⁹⁾ отсутствіемъ родственности, хотя и увѣрялось въ противномъ, и во 2^{хъ}) чрезмѣрнымъ преувеличеніемъ своей бѣдности и безпомощности! — Въ самомъ дяль, положи руку на сердце, можно было сказать, что²⁰⁾ матеріальное состояніе мое²¹⁾ а равно и моего семейства, было тогда²²⁾ гораздо въ худшемъ состояніи. — Я съ семействомъ не имѣлъ ничего, кромѣ своихъ рукъ и головы. — Она же имѣла при меньшемъ семействѣ, кругленькое, какъ говорится, обезпеченіе въ видѣ своего дома, приносящаго порядочный доходъ и представляющаго солидную цѣнность! — А потому понятно, какъ разсердило и взволновало меня это письмо, а потому я не теряя минуты разразился слѣдующимъ отвѣтомъ <...>:

“Г. Ярославль 28 Октября 1870 года: <...> я понялъ, что письмо твое написано и послано собственно въ обвиненіе опекунамъ, по поводу подразумѣваемыхъ тобою преувеличенныхъ тратъ, а можетъ быть и злоупотребленій. <...>

¹⁷⁾ Было: не заинтересованному

¹⁸⁾ хотя и постороннему вписано.

¹⁹⁾ оно во 1^{хъ} вписано.

²⁰⁾ Было: мое

²¹⁾ мое вписано.

²²⁾ тогда вписано.

Опекуны легально отвѣчаютъ за дѣйствія свои передъ Дворянской Опекой, — нравственно передъ своею совѣстью и наслѣдниками²³⁾ <...>. Ты напримѣръ въ письмѣ своемъ упрекаешь опекуновъ, что они не продали имѣній <...> за 20 т<ысячъ> съ небольшимъ рублей, вмѣсто залога въ 90 т<ысячъ>; а Варвара и Вѣра Михайловны ни за что на продажу не соглашались, и по сию пору убѣждены, что имѣнія стоятъ чуть не миллионы!... <...> опекуны много сдѣлали, они въ какихъ нибудь 1 1/2 года, укрѣпили за опекою всѣ имѣнія находящіяся въ залогахъ. <...> Не скрою отъ тебя любезная сестра, что мысль о наслѣдствѣ въ 10 т<ысячъ> рублей, была единственная для меня надежда на поддержку въ будущемъ моему семейству, въ случаѣ моей смерти или болѣзни, и эта надежда рушится!!.. Въ этомъ я какъ сонаслѣдникъ обвиняю Васъ, то есть не тебя одну а всѣхъ сестеръ. — Я былъ далѣко, за 1500 верстъ, а Вы были вблизи и Вы допустили разстройство имѣнія тетушки. Я обвиняю Васъ во первыхъ въ томъ, что Вы допустили, видя что тетушка была въ совершенномъ безпамятствѣ назначить душеприкащикомъ сперва негодяя Неофитова, а потомъ хотя честнаго и благороднаго челоуѣка, но совершенно не практичнаго Александра Павловича Иванова, а не обратились къ кому нибудь изъ Куманиныхъ. — Мнѣ говорилъ самъ Константинъ Константиновичъ Куманинъ (бывшій душеприкащикомъ дяди Алекс. Алексѣевича), что если бы при первомъ началъ обратились къ нему, то онъ не допустилъ бы ни копѣйки разстратить изъ капиталовъ тетушки. —

Я обвиняю Васъ во 2^{хб} въ томъ, что Вы допустили, видя опять таки безпамятство тетушки, ворочать всѣми дѣлами покойной бабушкѣ Ольгѣ Яковлевнѣ, и не однимъ словомъ не обуздали ея произвольныхъ дѣйствій, получая отъ нея различныя субсидіи и ожидая ихъ въ будущемъ! Снявши голову, по волосамъ не плачутъ, сестра!... <...>»⁴¹.

Вторая стадія «куманинского дела», как и в случае с родительским наслѣдством, была связана с разделом, после смерти А. Ф. Куманиной (29.03 / 10.04 1871 г.), ее имений в Тульской и Рязанской губерниях. Он происходил уже не по завещанію, оспоренному единокровными наслѣдниками, а по «закону».

Начало хлопот Достоевскаго по делу о куманинском наслѣдствѣ можно связать с письмом В. И. Губина к нему от 9 марта 1873 г. Адвокат, предлагая свои услуги, писал: «Вы имѣете право законнаго пользованія въ имуществѣ Вашей тетки Куманиной, по праву представительства, т. е. за мать...»⁴².

Но судебный процесс в марте 1873 г. инициировали Владимир Дмитриевич и Сергей Дмитриевич Шеры, сыновья единокровной сестры матери Достоевских Ольги Федоровны (по мужу Шер), которая родилась во втором браке Федора Тимофеевича Нечаева с Ольгой Яковлевной. К их иску присоединились другіе двоюродные по крови братья и сестры Федора Михайловича, которые тоже претендовали на наслѣдство А. Ф. Куманиной (см. об

²³⁾ Было: сонаслѣдниками

этом: [Ильин: 548–559]), [Летопись...: Т. 2, 361]. Этот факт подтверждается письмом В. М. Карепиной к А. М. Достоевскому от 28 мая 1873 г.: «*Такіе эти гадкіе Шеръ, еслибъ не они, то вѣдь раздѣлили бы какъ нибудь по духовному завѣщанію*»⁴³.

В марте наследников Куманиной в первый раз вызвали в суд [Летопись...: Т. 2, 361], а в апреле 1873 г. В. И. Веселовский сообщает Андрею Михайловичу, что «*дѣло Куманиной совсѣмъ перевернулось*»⁴⁴: утвердили в правах и единоутробных, и единокровных наследников по мужской линии.

Достоевские, будучи единоутробными родственниками покойной, не согласились с притязаниями единокровных наследников:

«...после родной сестры покойной матери нашей, а нам родной тетки А. Ф. Куманиной, умершей в 1871 г., остались в разных губерниях недвижимые имущества и капиталы, к которым мы по закону состоим единственными наследниками, так как после смерти тетки нашей не осталось нисходящего потомства»⁴⁵.

Поэтому, как писала В. М. Карепина, «*братья узнали, что Шеръ такъ распорядились съ наслѣдствомъ, рѣшились, какъ болѣе близкіе родственники отбить наслѣдство отъ Шеръ въ свою пользу*»⁴⁶.

Все лето 1873 г. продолжались юридические хлопоты по «куманинскому делу». 13 июня Федор Михайлович, Николай Михайлович и племянник Ф. М. Достоевский-младший заключили договор с Б. Б. Поляковым как своим поверенным⁴⁷. В конце октября Федор Михайлович с племянником составили проект доверенности Б. Б. Полякову на введение их во владение и на продажу их частей наследства [Летопись...: Т. 2, 426]. К сентябрю 1873 г. солидарно с братьями начал действовать, наконец, и Андрей Михайлович, хотя у него, как и у Николая Михайловича, был свой поверенный [Летопись...: Т. 2, 426].

Долгая судебная тяжба стоила писателю много времени, сил, нервов и средств. По свидетельству Анны Григорьевны, куманинское наследство доставляло одни неприятности и расходы, потому что требовались деньги на уплату повинностей и судебных издержек, поездок поверенного в имение и пр. «Аблакаты из-под Иверской» (простонародное ироническое название адвокатов) — В. И. Губин, В. И. Веселовский, Б. Б. Поляков — тоже часто давали повод усомниться в их честности.

Оказалась права и В. М. Карепина, которая писала А. М. Достоевскому 28 мая 1873 г.: «...*это наслѣдство такое несчастное, что всѣ перессорятся изъ за него*»⁴⁸. Прежде всего, оно «разделило» братьев и сестер. Так, недоверие выражала В. М. Карепина в письме к Андрею Михайловичу: «*Ө<едоръ> М<ихайловичъ> бывши у Веселовскаго, какъ я слышала, негодовалъ что сестры ограблены и будто бы начинаетъ это дѣло, чтобъ помочь сестрамъ,*

на дѣль же я думаю совсѣмъ не то. Что-то милый братъ, когда Вы выиграете дадите-ли Вы намъ хотя²⁴⁾ 14го часть...»⁴⁹.

В высшей степени агрессивна была настроена А. М. Голеновская (во втором браке — Шевякова), подавшая в ноябре 1873 г. иск против Федора Михайловича и Михаила Михайловича (племянника) в суд [Летопись...: Т. 2, 433–434, 454–455], требуя по векселям Куманиной 20 000 рублей. Эта апелляция в апреле 1874 г. была отклонена [Летопись...: Т. 2, 513, 522–523, 529]. Тогда А. М. Голеновская начала процесс по разделу куманинского наследства против Николая Михайловича [ЛН: Т. 86, 451], [Летопись...: Т. 3, 148, 332, 350].

Раздраженный этим иском, Николай Михайлович в свою очередь отказался от притязаний по векселям Федора Михайловича и Михаила Михайловича [Летопись...: Т. 2, 476]. Казалось бы, долгожданное перемирие, по крайней мере, между братьями Достоевскими к концу апреля 1874 г. было достигнуто [Летопись...: Т. 2, 484]. В мае 1874 г. закончилась опека над имениями Куманиной [Летопись...: Т. 2, 489] и начались хлопоты по их продаже [Летопись...: Т. 2, 492–493, 508, 512, 515; Т. 3, 5–6, 11].

Наряду с другими наследниками, Федор Михайлович был введен во владение своей частью куманинского дома и имения в Туле [Летопись...: Т. 2, 453]. Сестры же продолжали беспокоиться о своей доле [Летопись...: Т. 3, 25, 29].

Нельзя не отметить в это время усилий Анны Григорьевны по объединению и привлечению всех наследников к мирному решению очередной стадии «куманинского дела» [Летопись...: Т. 3, 296–297, 336], [Юхнович: 176–184], в результате чего между ними было достигнуто соглашение, и все претенденты решили наконец поехать в Рязань, чтобы, не продавая имение Куманиной, взять землю натурой⁵⁰. По судебному решению Федор Михайлович в январе 1881 г. был введен во владение своей частью рязанского имения при условии выплаты денежных сумм сестрам, не участвовавшим в этом разделе. По суду на долю всех четырех братьев Достоевских была выделена одна треть имения, а на остальную часть наследства претендовали их двоюродные братья и сестры — Шеры, Казанские, Ставровские, дети дочерей «бабушки» Ольги Яковлевны — Ольги Федоровны и Екатерины Федоровны.

Благодаря хлопотам практичной Анны Григорьевны, Федору Михайловичу отошло 500 десятин, примерно таких же размеров было и родовое имение в Даровом, доставшееся в свое время Вере Михайловне. «В воспоминаниях А. М. Достоевского приводятся данные 8-й ревизии, бывшей в 1863 г., согласно которым в имении числилось 100 душ крестьян и свыше 500 десятин земли» [Хроника...: 95].

Казалось бы, в «куманинском деле» можно было поставить точку. Но Вера Михайловна пришла просить брата отказаться от своей доли земельного

²⁴⁾ *хотя* вписано.

наследства [Летопись...: Т. 3, 542], [Хроника...: 178–179]. Как известно, после бурных объяснений у Федора Михайловича хлынула кровь горлом. Через два дня он умер. Так наследство оказалось не только «несчастливым», но и роковым.

После смерти Федора Михайловича Анна Григорьевна отказалась от наследства. Почему? По мнению Ю. В. Юхнович, она «тяжело переживала кончину мужа, вероятно, ее угнетала сама мысль об устройстве имения на земельном участке, ставшем причиной рокового разлада Федора Михайловича с родственниками», хотя, «спустя время, судя по всему, она смогла простить сестру Достоевского. В 1884 г. Анна Григорьевна вместе с детьми посетила родовое имение Достоевских Даровое, принадлежавшее В. М. Ивановой» [Юхнович: 180–181].

Думается, Анна Григорьевна могла исходить и из других мотивов, отступаясь от земельной доли, полагавшейся ей по закону. Во-первых, у семьи писателя после его кончины исчезла нужда и страх перед ней, поскольку власти назначили вдове и детям Достоевского большую пенсию:

«30 января на дневную панихиду приехал гофмейстер Н. С. Абаза и передал мне от министра финансов письмо, в котором “в благодарность за услуги, оказанные моим покойным мужем русской литературе”, мне, нераздельно с детьми, назначалась Государем Императором ежегодная пенсия в две тысячи рублей» [Достоевская А. Г.: 155].

Во-вторых, Анне Григорьевне досталось другое наследство. После успешного опыта самостоятельного издания романа «Бесы» в 1873 г., которое принесло более четырех тысяч рублей заработка и стало «серьезным подспорьем в борьбе с кредиторами», Достоевский в марте 1874 г. передал юридические права на издание своих сочинений Анне Григорьевне. Отличаясь «живым и практичным умом, большой предприимчивостью и деловой хваткой, энергичностью и редким трудолюбием», она сумела распорядиться ими с пользой для семьи и отечества (см.: [Андрианова: 4–5]).

Как установила И. С. Андрианова, издательская деятельность А. Г. Достоевской после смерти писателя принесла доход в 413 тысяч рублей [Андрианова: 7], в том числе прибыль от первого Полного собрания сочинений писателя, вышедшего в 1883 г. в 14 томах тиражом 6200 экземпляров, составила 95 тысяч рублей. Сама Анна Григорьевна позже признавалась: «Теперь я знаю, что дети мои обеспечены и им не придется портить или бросать любимое дело ради денег или в погоне за куском хлеба, как это, к несчастью, приходилось делать Федору Михайловичу» [ЛН: Т. 86, 559], хотя в последние часы, проведенные рядом с умирающим мужем, она еще полагала, что у них осталось всего лишь 5 тысяч:

«...наследниками этих небольших денег являлись мы, то есть дети и я.

Я весь день ни на минуту не отходила от мужа; он держал мою руку в своей и шепотом говорил: “Бедная... дорогая... с чем я тебя оставляю... бедная, как тебе тяжело будет жить!..”

Я успокаивала его, утешала надеждой на выздоровление, но ясно, что в нем самом этой надежды не было, и его мучила мысль, что он оставляет семью почти без средств. Ведь те четыре-пять тысяч, которые хранились в редакции “Русского вестника”, были единственными нашими ресурсами» [Достоевская А. Г.: 268].

Но Бог послал больше.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Источник текста: Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского. РО ИРЛИ. Ф. 56. № 1. С. 1035–1040 (л. 636–639). Оригинал духовного завещания А. Ф. Куманиной неизвестен.

Впервые опубликовано: А. М. Достоевский. Воспоминания. Эпистолярное наследие [Электронный ресурс] URL: <http://philolog.petrus.ru/amdost/vospomin/vospomin.htm>.

<Духовное завещание А. Ф. Куманиной>

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа, Аминь. Я ниже подписавшаяся Дворянка Московской Губернии Александра Федорова дочь, Куманина, находясь в здравомъ разсудкѣ и твердой памяти пожелала заблаговременно распорядиться, принадлежащимъ мнѣ денежнымъ капиталомъ и движимымъ имуществомъ, которое послѣ смерти моей назначаю послѣдующимъ лицамъ, такимъ образомъ: Изъ Капитала моего заключающагося въ Государственныхъ банковыхъ 3% билетахъ выдѣлить роднымъ племянникамъ моимъ: Колежскому Ассессору Андрею Михайлову Достоевскому десять тысячъ рублей. Колежскому Ассессору Николаю Михайлову Достоевскому девять тысячъ рублей. — Племянницамъ моимъ: супругѣ Дѣйствит. Статскаго Совѣтника Вѣрѣ Михайловнѣ, по мужу Ивановой Двадцать тысячъ пятьсотъ рублей. Супругѣ Полковника Александрѣ Михайловнѣ, по мужу Голеновской Двадцать тысячъ пятьсотъ рублей. Вдовѣ Надворнаго Совѣтника Варварѣ Михайловнѣ по мужу Карепиной десять тысячъ двѣсти пятьдесятъ рублей. Вдовѣ Коллежскаго Совѣтника Аннѣ Григорьевой по мужу Казанской Двѣ тысячи пятьдесятъ руб. Вдовѣ Коллежскаго Секретаря Марьѣ Григорьевой по мужу Ивановой двѣ тысячи пятьдесятъ руб. — Дочерямъ Коллежскаго Совѣтника Дмитрія Ивановича Ставровскаго дѣвицамъ Ольгѣ и Аннѣ, каждой по двѣ тысячи рублей. — Внукамъ моимъ Капитану Павлу Петровичу Казанскому двѣ тысячи шестьсотъ руб. — Поручику Петру Петрову Казанскому и Прапорщику Константину Петрову Казанскому каждому одной тысячъ рублей. Дочерямъ отставнаго Подпоручика Михайла Михайлова Достоевскаго дѣвицамъ Маріи

Три тысячи триста рублей и Екатеринъ три тысячи рублей, которыя и предоставляю душеприкащику выдать имъ по выходъ ихъ въ замужество, или по достиженіи совершеннолѣтія, Сестрѣ моей супругѣ Коллежскаго Секретаря Ольгѣ Федоровнѣ по мужу Шерѣ Десять тысячъ двѣсти пятьдесятъ рублей. — Московскою купчихѣ вдовѣ Ольгѣ Яковлевнѣ Нечаевой десять тысячъ двѣсти пятьдесятъ рублей. Воспитанницѣ моей Московскою Мѣщанкѣ Лидіи Васильевнѣ Поляковой Пять тысячъ рублей. Дочери покойнаго духовника моего, бывшаго Священникомъ при Козьмодемьянской, что на Покровкѣ, Церкви Отца Симіона дѣвицѣ Елисаветѣ Семеновою Двѣ тысячи рублей. — Служившей при мнѣ Московскою Мѣщанкѣ дѣвицѣ Иринѣ Архиповой Триста рублей. Изъ четырнадцати тысячъ рублей остающихся за вышесказаннымъ выдѣломъ капитала моего назначаю: восемь тысячъ на погребеніе тѣла моего и для подачи на поминаеніе моей души, равно и на расходы по исполненію моего духовнаго завѣщанія и Шесть тысячъ въ Козьмодемьянскую что на Покровкѣ Церковь, съ тѣмъ, чтобы съ получаемыхъ съ сего капитала процентовъ, половина поступала бы на украшеніе Церкви, а другая половина въ пользу Священно-Церковно служителей той Церкви на вѣчное поминаеніе души моей. — Что касается до движимаго Имущества принадлежащаго мнѣ, то назначаю изъ онаго: все серебро, заключающееся какъ въ столовой и чайной посудѣ, такъ и въ разныхъ вещахъ, равно весь гардеробъ мой, мѣховыя вещи, посуду фарфоровую, фаянсовую, хрустальную и мѣдную, часы и бронзу предоставляю тремъ племянницамъ моимъ Вѣрѣ Ивановой, Александрѣ Голеновской и Варварѣ Карпиной, которымъ раздѣлить все означенное между собою по ровну и полюбовно. Экипажи мои лошадей, всю находящуюся въ занимаемомъ мною домѣ мебель, бібліотеку, картины, ковры, зеркала, кухонную каменную, деревянную, желѣзную посуду и громоздкія хозяйственныя принадлежности, завѣщаваю продать и изъ вырученныхъ денегъ одну часть употребить на раздачу прислугѣ моей, которая во время кончины моей будетъ находиться при мнѣ, а другую часть роздать бѣднымъ на поминаеніе моей души. — Буде, волею Божіею, кто либо изъ упомянутыхъ здѣсь наследниковъ моихъ, окончитъ жизнь прежде меня, то назначенная ему отъ меня часть, должна поступить его законнымъ наследникамъ. — Такъ какъ Племянники мои отставной Подпоручикъ Михаилъ Михайловъ Достоевскій и отставной Подпоручикъ Федоръ Михайловъ Достоевскій и остальные мои родственники, получили уже отъ меня награды, то дальнѣйшаго участія въ наследствѣ по сему завѣщанію имѣть не должны. — Для исполненія воли моей, изъясненной въ семъ завѣщаніи назначаю душеприкащикомъ дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Александра Павловича Иванова, котораго и прошу исполнить всёъ выраженное здѣсь въ точности. Въ распоряженіяхъ его по продажѣ движимаго имуществва и назначенію вырученныхъ за то денегъ, никому изъ наследниковъ моихъ отъ него Иванова отчеты не требуютъ, равно и восемью тысячами назначенными мною на погребеніе и раздачу бѣднымъ и на другіе расходы, воленъ онъ распорядиться безъ отчетно по своему усмотрѣнію. — Такъ какъ принадлежащій мнѣ капиталъ заключается въ Государственныхъ 5% банковыхъ билетахъ, то для выдачи каждому изъ наследниковъ моихъ, назначенной ему части, имѣетъ Г. душеприкащикъ

сказанные билеты обмѣнять на таковыя же, причемъ предоставляется на усмотрѣніе его: написать ли билеты на имя каждаго наследника или на предъ-явителя. При выдачѣ назначенныхъ частей, тѣ суммы которыя не могутъ быть обращены въ 5% банковые билеты, выдавать наличными деньгами, примѣняясь къ биржевому курсу билетовъ. — При чемъ присовокупляю, что если по смерти моей останется капитала моего недостаточно, для выдачи сполна наградъ наследникамъ, то душеприкащикъ обязанъ сдѣлать расчетъ сколько прійдется каждому изъ моихъ наследниковъ на рубль назначенной ему награды, а если послѣ смерти останется лишній капиталъ за выдачею наследникамъ наградъ, то остающуюся сумму, душеприкащикъ можетъ употребить на раздачу бѣднымъ по его усмотрѣнію. Аминь. Москва. Сентября 20го дня 1865 года. — Сіе духовное завѣщаніе со словъ завѣщательницы дворянки Александры Ѳедоровны Куманиной, при здоровомъ ея разумѣ и твердой ея памяти сочинялъ и набѣло писалъ Губернскій Секретарь Матвѣй Петровъ Алябинъ. — Къ сему духовному завѣщанію дворянка Александра Ѳедоровна Куманина руку приложила. — Что сіе духовное завѣщаніе по волѣ завѣщательницы дворянки Александры Ѳедоровны Куманиной писано Губернскимъ Секретаремъ Матвѣемъ Петровымъ Алябинымъ и ею лично при мнѣ подписано, при здоровомъ ея умѣ и твердой памяти, въ томъ свидѣтельствую и подписуюсь Коллежскій Ассессоръ, Докторъ Медицины Эрнестъ Ѳедоровичъ Шуберскій. — Что сіе духовное завѣщаніе, по волѣ завѣщательницы дворянки Александры Ѳедоровой Куманиной, писано Губернскимъ Секретаремъ Матвѣемъ Петровымъ Алябинымъ, и ею лично при мнѣ подписано, при здоровомъ ея умѣ и твердой памяти, въ томъ свидѣтельствую и подписуюсь Подполковникъ Павелъ Лаврентьевъ Протопоповъ. — Что сіе духовное завѣщаніе по волѣ завѣщательницы дворянки Александры Ѳедоровны Куманиной писано Губернскимъ Секретаремъ Матвѣемъ Петровымъ Алябинымъ, и ею лично при мнѣ подписано, при здоровомъ умѣ и твердой памяти, въ томъ свидѣтельствую и подписуюсь Поручикъ Владиміръ Михайловъ Сахоцкій. Въ томъ же свидѣтельствую и подписуюсь Коллежскій Секретарь Гавріилъ Ѳедоровъ Асафовъ.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект «Дело о куманинском наследстве» в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского», № 18-012-90013 Достоевский.

- 1 Достоевский А. М. Воспоминания // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 1. С. 39 (л. 132), где первая цифра дана по нумерации А. М. Достоевского, вторая — архивная.
- 2 Там же. С. 40 (л. 132 об.).
- 3 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 1. С. 93. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения Д30 и указанием тома, книги (нижний индекс) и страницы в круглых скобках.
- 4 Достоевский А. М. Воспоминания // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 1. С. 439 (л. 342).
- 5 Там же.
- 6 Там же. С. 440 (л. 342 об.).
- 7 Там же. С. 508 (л. 371 об.).

- 8 Там же.
- 9 Там же. С. 508 (л. 371 об.).
- 10 Там же. С. 845–846 (л. 540–540 об.).
- 11 Там же. С. 832 (л. 533 об.).
- 12 Там же.
- 13 Достоевский Н. М. Письмо к А. М. Достоевскому. От 25 марта 1867 г. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 75. Л. 26. Ср.: [ЛН: Т. 86, 405].
- 14 ОР РГБ. Ф. 93.1.3.23/2. Л. 1. В Д30 и ЛН (т. 86) эти записи опубликованы не полностью.
- 15 ОР РГБ. Ф. 93.1.2.7.
- 16 Там же. С. 26 (Л. 66. С. 132).
- 17 ОР РГБ. Ф. 93.1.2.8. С. 41.
- 18 ОР РГБ. Ф. 93.1.3.23/4. Л. 1.
- 19 Там же.
- 20 Там же. Л. 1 об.
- 21 Там же.
- 22 Там же.
- 23 ОР РГБ. Ф. 93.1.3.23/6. Л. 1.
- 24 Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского... С. 830–832 (л. 532 об.–533 об.).
- 25 Там же. С. 1068 (л. 652 об.).
- 26 Там же. С. 1026 (л. 631 об.).
- 27 Там же. С. 1069 (л. 653).
- 28 Там же. С. 1026–1027 (л. 631 об.–632).
- 29 Там же. С. 1072 (л. 654 об.).
- 30 Там же. С. 1029 (л. 633).
- 31 Там же. С. 1062 (л. 649 об.).
- 32 Там же. С. 885–886 (л. 560–560 об.).
- 33 Там же.
- 34 Там же. С. 1055 (л. 546).
- 35 Там же. С. 1032–1033 (л. 634 об.–635).
- 36 Там же. С. 1074 (л. 655 об.). Духовное завещание А. Ф. Куманиной см.: Приложение.
- 37 Там же. С. 1071 (л. 654), 1074–1075 (л. 655 об.–656).
- 38 Там же. С. 1057 (л. 647).
- 39 Там же. С. 1077 (л. 657).
- 40 Там же. С. 1133 (л. 685).
- 41 Там же. С. 1133 (л. 685), 1136–1141 (686 об.–689).
- 42 Губин В. И. Письмо к Достоевскому Ф. М. От 9 марта 1873 г. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29685. Л. 21. Ср.: [Летопись...: Т. 2, 359].
- 43 Карпина В. М. Письмо к Достоевскому А. М. От 28 мая 1873 г. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 81. Л. 4 об. Ср.: [ЛН: Т. 86, 431–432].
- 44 Веселовский В. И. Письмо к Достоевскому А. М. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 47. Л. 110. Ср.: [Летопись...: Т. 2, 369].
- 45 [ЛН: Т. 86, 432]
- 46 Карпина В. М. Письмо к Достоевскому А. М. От 28 мая 1873 г. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 81. Л. 4 об. Ср.: [ЛН: Т. 86, 430].
- 47 Документальные материалы по делу о куманинском наследстве // РГАЛИ. Ф. 212.1.121. Ср.: [ЛН: Т. 86, 432].

- 48 Карепина В. М. Письмо к Достоевскому А. М. От 28 мая 1873 г. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 81. Л. 4 об. Ср.: [ЛН: Т. 86, 432].
- 49 Ср.: [ЛН: Т. 86, 432].
- 50 РГАЛИ. Ф. 212.1.143.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрианова (Ярышева) И. С. А. Г. Достоевская как редактор и издатель // Достоевский и современность. Материалы XXVI Международных Старорусских чтений 2011 года. — Великий Новгород, 2012. — С. 3–16.
2. Борисова В. В. «Дело о куманинском наследстве в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского» // Неизвестный Достоевский. — 2018. — № 1. — С. 32–42 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1524832332.pdf (25.11.2018). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3481
3. Волгин И. Л. Родные и близкие. Историко-биографические очерки // Хроника рода Достоевских / под ред. И. Л. Волгина. — М.: Фонд Достоевского, 2013. — С. 994–1042.
4. Достоевский Ф. М. Новые материалы и исследования. — М.: Наука, 1973. — 790 с. (Литературное наследство; т. 86). — ЛН
5. Достоевская А. Г. Воспоминания. — СПб.: Азбука, 2011. — 480 с.
6. Достоевская Л. Ф. Достоевский в изображении своей дочери / пер. с нем. Е. С. Кибардиной; вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. — СПб.: Андреев и сыновья, 1992. — 245 с.
7. Захаров В. Н. Гениальный фельетонист // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: Канонические тексты. — Петрозаводск: ПетрГУ, 2000. — Т. IV. — С. 801–822.
8. Ильин Н. Достоевский в споре за куманинское наследство // Звенья. — М.; Л., 1951. — Т. IX. — С. 547–565.
9. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. — СПб.: Академический проект, 1993–1995.
10. Маркевич Б. М. Несколько слов о кончине Ф. М. Достоевского // Московские ведомости. — 1881. — № 32. — 1 февраля. — С. 4.
11. Нечаева В. С. Ранний Достоевский. 1821–1849. — М.: Наука, 1979. — 287 с.
12. Сукина Л. Б. К биографии московского городского головы А. А. Куманина // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. — М.: Калита, 2002. — С. 189–195.
13. Хроника рода Достоевских / под ред. И. Л. Волгина. — М.: Фонд Достоевского, 2013. — 1223 с.
14. Юхнович Ю. С. «Куманинское дело» в мемуарном и эпистолярном наследии А. Г. Достоевской // Неизвестный Достоевский. — 2018. — № 4. — С. 176–184 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545741434.pdf (25.11.2018). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3785

Для цитирования: Борисова В. В. Нравственные и юридические аспекты «куманинского дела» // Неизвестный Достоевский. — 2019. — № 1. — С. 46–68 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1554210558.pdf. DOI 10.15393/j10.art.2019.3786

Дата поступления в редакцию: 12.12.2018

Дата публикации: 22.03.2019

Valentina V. Borisova

*Doctor of Philology, Professor,
Head of Russian Literature Department
M. Akmullah Bashkir State
Pedagogical University
(Ufa, Russian Federation)*
borisova@ufacom.ru

Moral and Legal Dimensions of the “Kumanin Case”

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR according to the research project no. 18-012-90013 Dostoevsky.

Abstract. This article follows the previous publication «“The Kumanin Heritage Case” in life and works of F. M. Dostoevsky» (“The Unknown Dostoevsky” journal, 2018, no. 1, pp. 32–43), and studies moral and legal aspects of the writer’s biography, related to the “Kumanin heritage case”. It means his tense relations with co-inheritors, particularly with his siblings and blood relatives on his mother’s side of the family as well as with the lawyers and will executors of A. F. Kumanina. Disputes and conflicts among them were caused by both the particularities of the inheritance law of that time resulting in the testament revision, and ethical aspects. In this regard, the attitude of Dostoevsky in a long-lasting lawsuit is exposed to a detailed examination based on documentary and archival sources. Despite the fact of his participation in it, he followed the principle of high morals but not of “profits” or “law”.

Keywords: F. M. Dostoevsky, A. F. Kumanina, testament, lawsuit, “fateful heritage”, ethics, world of law, parish-expense books

REFERENCES

1. Andrianova (Yarysheva) I. S. A. G. Dostoevskaya as an Editor and Publisher. In: *Dostoevskiy i sovremennost'. Materialy XXVI Mezhdunarodnykh Starorusskikh chteniy 2011 goda [Dostoevsky and Modernity. Proceedings of the 26th International Staraya Russa Conference of 2011]*. Novgorod the Great, 2012, pp. 3–16. (In Russ.)
2. Borisova V. V. “The Kumanin Heritage Case” in Life and Works of F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2018, no. 1, pp. 32–42. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1524832332.pdf (accessed on November 25, 2018). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3481 (In Russ.)
3. Volgin I. L. Nearest and Dearest. Historical and Biographical Essays. In: *Khronika roda Dostoevskikh [The Chronicle of the Dostoevsky Dynasty]*. Moscow, Fond Dostoevskogo Publ., 2013, pp. 994–1042. (In Russ.)
4. *Dostoevskiy F. M. Novye Materialy i issledovaniya [Dostoevsky F. M. New Materials and Studies]*. Moscow, Nauka Publ., 1973. 790 p. (Ser. “Literary Heritage”; vol. 86). (In Russ.)
5. Dostoevskaya A. G. *Vospominaniya [The Memories]*. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2011. 480 p. (In Russ.)
6. Dostoevskaya L. F. *Dostoevskiy v izobrazhenii svoey docheri [Dostoevsky as Figured by His Daughter L. Dostoevskaya]*. St. Petersburg, Andreev i synov’ya Publ., 1992. 245 p. (In Russ.)
7. Zakharov V. N. Ingenious Feuilletonist. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: Kanonicheskie teksty [Dostoevsky F. M. The Complete Works: Canonical Texts]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2000, vol. 4, pp. 801–822. (In Russ.)

8. Il'in N. Dostoevsky in the Dispute for the Kumanin Heritage. In: *Zven'ya*. Moscow, Leningrad, 1951, vol. 9, pp. 547–565. (In Russ.)
9. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh* [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works: in 3 Vols]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1993–1995. (In Russ.)
10. Markevich B. M. Several Words About the Death of Dostoevsky. In: *Moskovskie vedomosti*, 1881, no. 32, 1 February, p. 4 (In Russ.)
11. Nechaeva V. S. *Ranniy Dostoevskiy. 1821–1849* [The Early Dostoevsky. 1821–1849]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 287 p. (In Russ.)
12. Sukina L. B. To the Biography of the Moscow Mayor A. A. Kumanin. In: *Otechestvennaya voyna 1812 g. Istochniki. Pamyatniki. Problemy* [The Patriotic War of 1812. Sources. Monuments. Problems]. Moscow, Kalita Publ., 2002, pp. 189–195. (In Russ.)
13. *Khronika roda Dostoevskikh* [The Chronicle of the Dostoevsky Dynasty]. Moscow, Fond Dostoevskogo Publ., 2013. 1223 p. (In Russ.)
14. Yukhnovich Yu. S. The “Kumanin Case” in Anna Dostoevskaya's Memoirs and Letters. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2018, no. 4, pp. 176–184. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545741434.pdf (accessed on November 25, 2018). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3785 (In Russ.)

For citation: Borisova V. V. Moral and Legal Dimensions of the “Kumanin Case”. *The Unknown Dostoevsky*. 2019. No. 1. P. 46–68. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1554210558.pdf. DOI 10.15393/j10.art.2019.3786

Received: December 12, 2018

Date of publication: March 22, 2019